

А. К. СУДАКОВ

О праве лгать из человеколюбия (апология Кантова примера)

1) В опыте «О мнимом праве лгать из человеколюбия» разбирается некоторая ситуация, как частный случай *юридической обязанности*, а не как частный случай *этической обязанности*. В противоположность этому, в «Метафизике нравов» обязанность правдивости рассматривается как безусловная этическая обязанность перед собою (а не перед другим). Поэтому, можно сказать, весь пафос работы Канта и состоит в том, что не следует «смешивать два эти ремесла», прилагая к случаю из юридической практики этические нормы в узком смысле, или к этическому контексту — юридическую казуистику. Еще раз обратим внимание: правдивость есть долг перед собою, ложь в изъявлениях (любого рода, в том числе лжесвидетельство) разрушает возможность уважения к себе, возможность нравственного достоинства личности (моей, а не чьей-либо другой). Если я лгу себе, я не могу уважать себя, недостойн быть Я. Так же точно, если я лгу другому, я недостойн себя.

2) Именно потому, что речь здесь идет о юридической обязанности, Кант не оспаривает в возражениях Константа того, что обязанности одного должно соответствовать право другого, — и только уточняет характер этого «права другого», а именно: это не может быть право на правду, а, в лучшем случае, право на собственную правдивость как условие возможности частного права. Всякое лицо, вступающее в правоотношения с другими лицами, имеет право требовать от этих лиц правдивости в юридически значимых изъявлениях, и соответственно всякое лицо обязано быть правдивым в юридически значимых изъявлениях относительно всех лиц, с которыми состоит или может состоять в правоотношениях. Если лицо требует такого изъявления по праву, т.е. так, что мы не можем уклониться от дачи изъявления, мы должны быть правдивы в изъявлениях без каких-либо исключений, оговорок и пр.

Весь вопрос состоит только в том, в каком случае имеет место правомерное требование изъятия вообще.

3) В такой постановке вопроса, и эта юридическая обязанность внешней правдивости (в отношении других) также не есть обязанность собственно перед другим отдельно взятым лицом (лицами), но обязанность перед человечеством, как субъектом естественного права, есть обязанность перед всякими возможными другими, как условие возможности частного договорного права вообще. Постольку нарушение космополитической юридической обязанности не может пойти на пользу соблюдению нравственно-этической обязанности, — по той причине, что этическая обязанность, о которой может идти речь в данном случае, есть безусловная обязанность перед собой, следовательно, нарушение космополитической юридической обязанности правдивости перед другим (внешней правдивости) есть одновременное и неизбежное нарушение этической обязанности правдивости перед собой (внутренней правдивости). «Конфликт обязанностей» в данном случае исключен, ибо нарушение правовой обязанности автоматически предполагает нарушение обязанности этической. Человек, всегда и безоговорочно говорящий правду всем людям, есть просто надежный член общества (правового сообщества), гарантированный правосубъект. Человек, говорящий правду не всегда, а только в случаях, когда это делать ему представляется нравственной «стратегией», не может быть, по Канту, надежным субъектом правового сообщества. При этом человек, говорящий правду другим всегда и безоговорочно, не обязательно будет надежным членом этического сообщества, потому что основной закон этического сообщества требует большего, чем основной закон правового сообщества: не только не убивать, не лгать и пр., но положительно содействовать (законным) целям всякого другого без лицемерия. Исполнивший норму правового сообщества, отвечающий условиям возможности юридической правосубъектности, этим одним еще не исполнил нормы этического сообщества, условия действительности моральной воли, — хотя только он может ее исполнить: ибо нарушитель нормы правового сообщества самым нарушением ее исключает возможность своей общезначимой субъектности как в праве, так и в морали, не годен в царство целей. Таков, в кантовском мире, нарушивший норму «минимальной морали» по любым соображениям. Где допускается такое нарушение, там делается невозможной правовая интерессубъективность. Следовательно, этика, такие исключения допускающая, затрудняет себе общезначимое обоснование принципов интерессубъективности, выходящей за рамки эмпирической, ситуативно ограниченной общности.

«Невреждение» понимается Кантом юридически, как невреждение жизни, свободе и собственности другого. И вот Кант утверждает, что долг правдивости безусловен, сколь бы сильно ни нарушался долг невреждения, — что нарушение долга невреждения не отменяет долга правдивости, а вот нарушение долга правдивости в показаниях исклю-

чает самую возможность договорной гарантии права вообще и договорной гарантии права на жизнь, свободу и собственность в частности.

4) Разнородны ли по характеру мои обязанности в отношении одного и того же лица как (этически) близкого мне и как стоящего со мною в правоотношениях? Да, безусловно. Но разнородны ли они по силе? Сам такой вопрос неверно поставлен.

Юридические обязанности в отношении близких не сильнее юридических же обязанностей в отношении «чужих». Можно сказать, что, по Канту, у человека вообще *нет юридически чужих*.

Но юридические обязанности в отношении ближних однозначно сильнее, по Канту, нравственных обязанностей относительно их же. С этим можно спорить теоретически, можно находить это пережитком римского права и языческим противоречием христианской морали, — но исторически у Канта это так.

5) В области права у нас нет специальных обязанностей в отношении конкретных частных лиц (а у этих лиц нет права требовать от нас соблюдения этих обязанностей), кроме случая, если эти частные лица: а) действуют от имени нашего государства; б) состоят с нами в граждански-правовых отношениях. Следовательно, частные лица, не относящиеся к пунктам (а) или (б), не имеют права требовать от нас исполнения наших юридических обязанностей по отношению к ним, ввиду отсутствия таковых, и если они этого все-таки требуют, поступают неправомерно. Принуждение со стороны таких лиц является несправедливым ввиду того простого факта, что они нам юридически никто. Поэтому все лица, за исключением служащих нашего государства, а также наших деловых партнеров, супругов, детей, слуг, работников, работодателей, поскольку эти лица требуют от нас дачи показаний о чем бы то ни было, поступают юридически незаконно и суть «злоумышленники» в смысле кантовского примера. Поэтому в отношениях наших с ними мы именно находимся в *естественном состоянии* (уточним: в *юридическом*, но не обязательно также и *этическом*, *естественном состоянии*). Напротив, с перечисленными выше категориями лиц мы состоим в правовом состоянии (все равно, находятся ли они в числе «спрятавшихся» или в числе «преследующих»). Пример предполагает, кроме того, что мы и вообще находимся в граждански-правовом состоянии; именно в силу этого мы можем по праву не допустить в свое жилище как желающего скрыться в нем, так и того, кто его разыскивает, еще до того, как они потребуют от нас чего бы то ни было. В правовом естественном состоянии этого права у нас нет, у нас нет здесь вообще никакого гарантированного законной силой права, как нет его и у нашего контрагента: поэтому в правовом естественном состоянии сила заменяет право; но именно поэтому в этом состоянии быть не может ни права убежища, ни долга открыть дверь незнакомцу. Рассматриваемый Кантом юридический казус подразумевает государственно-правовое состояние. Поэтому черты кантова примера показывают, что «хозяин»

не может находиться в правовом естественном состоянии (хотя может находиться в этическом естественном состоянии, но об этом здесь вовсе не идет речи).

6) Для государственных служащих и тех частных лиц, договором с которыми предусмотрены ограничения на исполнение нами всеобщей космополитически-правовой обязанности внешней правдивости, законом может быть предусмотрено исключение из этой нашей юридической обязанности. В этом случае наше уклонение от изъяснения (дачи показаний, свидетельства) является правомерным (легальным). Однако и такой закон может позволить нам несообщение истинных сведений третьим лицам (неразглашение), но не может обязать нас к сообщению третьим лицам ложных сведений, — такое обязательство было бы противоправно, поскольку оно по смыслу своему исключает возможность договорного частного права и вообще общественного согласия. Поэтому «полиция» и «партнеры по бизнесу» суть единственно интересные «уточнения ситуации» в отношении кантовского примера. Но с этими спецификациями также не должно возникать проблем.

7) «Архетипическими» в кантовском примере являются, несомненно, отношения «хозяина» с правоспособным согражданином вообще. Ибо, по Канту, нарушение долга внешней правдивости разрушает условие возможности именно этих отношений. Именно поэтому в кантовском примере, где речь идет об отношениях частных лиц, эта правовая обязанность не знает исключений, кроме как в пользу другой правовой обязанности. Конфронтация ее с нравственно-этической обязанностью только путает карты и правоведа, и этику. В рассматриваемом Кантом примере речь ведется так, словно у людей вообще *нет* этических обязанностей, не существует друзей. (Meine lieben Freunde, es gibt keinen Freund). Злодеев или тем паче злоумышленников в этой перспективе тоже не существует, впредь до решения законно назначенного суда. Есть правомерно и неправомерно действующие частные лица, которым может быть вменена правовая вина за их действия либо бездействия — и все. Их моральные качества в данном отношении не известны также и им самим. Именно поэтому одним из моментов анализа становится у Канта дефицит информации о положении дел (если относительно того, дома ли действительно «искомый», еще может быть дефицит информации, то о нравственном качестве любого постороннего могут быть только предположения — пока он словом или делом не выяснит нам свое нравственное уонастроение). Но правовые их качества однозначно известны нам, как известны и условия, препятствующие самой возможности иметь эти правовые качества. Одно из таких условий и есть лжесвидетельство. Поэтому Кант безусловно осуждает такое при любых обстоятельствах как правоведа. Все, что он говорит — это: *лжесвидетельство есть неправое дело (Unrecht)*. Он не говорит еще, как в «Метафизике нравов», что ложь есть грех: эта сторона дела его здесь не интересует.

8) Нет спора, что он это тоже скажет; что ложь будет у Канта-моралиста несправедливостью перед собой, что нарушение правдивости, от которого пострадает наш друг или от которого никто в мире не пострадает, все равно будет несправедливостью потому именно, что правдивость есть этическая обязанность перед собой. По Канту, у нас нет обязанности правдивости перед другими, нет обязанности защиты только перед другом. Обязанности «дружбы» суть в Кантовой системе этические обязанности благотворения (в терминах Канта — «обязанности любви»).

9) Что действительно привлекает внимание как мнимое упущение Канта-правоведа в данном случае — это то, что однозначно специфицирует данный случай как случай непереносимой необходимости дачи показаний, предполагая невозможным (неправомерным?) третий возможный вообще-то исход — уклонение от изъяснения (дачи показаний) вообще. Но это уклонение может быть правомерным, если к такому уклонению меня понуждает соблюдение государственной, коммерческой или приватной тайны (при условии, что данный случай явно предусмотрен в законодательстве или в частно-правовом договоре лиц как случай такой тайны, или если имеется обоснованное предположение, что он является таким случаем¹). Во всех остальных случаях уклонение от дачи показаний не является правомерным. Следовательно, оно либо юридически безразлично, либо прямо неправомерно (незаконно). Чтобы не усложнять рассуждения рассмотрением неправомерного уклонения от показаний, мы можем вместе с Кантом исходить из того, что уклонение от дачи показаний для субъекта *невозможно*.

¹ В связи с тем, что Р. Г. Апресян как бы уточняет сюжет, упоминая якобинский террор и революционных красногвардейцев и внося, так сказать, исторический колорит, стоит поставить вопрос: существуют ли популярные критерии определения правомерности власти, именем которой нас принуждают к изъяснению? Если такие критерии существуют, то у человека в рассматриваемой ситуации может быть право на ложь. Если таких критериев не существует, или, что для практики то же, если они имеют сугубо учено-юридический характер и их невозможно предполагать известными «простым людям», то права на ложь у «простых людей» в данной ситуации нет безусловно, потому что в этом случае субъект не может вообще знать достоверно, законную ли власть на самом деле представляют те, кто рекомендуются ему представителями законной власти.